

Н.А. Редин

Мистико-аскетическое наследие св. Иоанна Кассиана: новый этап в современных исследованиях

Николай Александрович Редин – аспирант сектора философии религии. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: terani@list.ru

В статье на основе материалов третьей международной патристической конференции Общецерковной аспирантуры свв. Кирилла и Мефодия, посвящённой св. Иоанну Кассиану и монашеской традиции христианского Востока и Запада, рассматривается мистико-аскетическое наследие св. Иоанна Кассиана. Автор предпринимает попытку анализа аскетической традиции, идущей от св. Кассиана, её связи с мистикой Евагрия Понтийского и Оригена, а также анализ концептов, присущих исключительно марсельскому пресвитеру. Для решения поставленной задачи в статье анализируются такие понятия кассиановского наследия как совершенная любовь, дружба, бесстрашие, чистота сердца, мистика экстаза, мистика любви, огненная молитва, дематериализация и др.

Ключевые слова: св. Иоанн Кассиан, Евагрий Понтийский, мистика, теология, аскеза, созерцание, молитва, экстаз, дематериализация

Результатом третьей международной патристической конференции «Преподобный Иоанн Кассиан и монашеская традиция христианского Востока и Запада», проходившей с 19 по 21 ноября 2015 г. в Москве, в Общецерковной аспирантуре и докторантуре им. свв. Кирилла и Мефодия, стал одноименный сборник, вышедший в свет в Издательском доме «Познание» [Иоанн Кассиан, 2017]. Он посвящен фигуре св. Иоанна Кассиана (ок. 360–435), выдающегося представителя раннего монашества и видного теоретика христианского аскетизма, автора двух знаменитых сочинений – «Собеседований» (Collationes) и «О правилах общежительных монастырей» (De institutis coenobiorum), сконцентрировавших в себе сущность восточно-христианской духовной традиции. Св. Кассиан приобрел богатейший опыт аскетической жизни в различных монашеских общинах Египта, Палестины, Константинополя и Рима. Последнюю часть своей земной жизни он провел в Южной Галлии, где основал два общежительных монастыря (мужской и женский) и впоследствии был прославлен как святой¹.

Сборник состоит из пяти разделов. Первый из них, наименее объёмный (в нем всего три доклада), посвящён биографии и литературному наследию св. Кассиана. Здесь рассматриваются девять различных гипотез о месте рождения Кассиана, обсуждаются вопросы хронологии последних лет его жизни и рецепция его сочинений на христианском Востоке.

¹ Подробнее о жизни и трудах Иоанна Кассиана см.: [Фокин, 2010, с. 319–340; Chadwick, 1968].

Второй раздел сборника посвящён различным аспектам богословского учения св. Кассиана. В нём представлены доклады, в которых рассматриваются его учение о Евхаристии, о внутренних взаимосвязях в его богословской мысли, о взглядах св. Кассиана на природу Бога, материи и времени, а также особенности его христологии на основе трактата «О воплощении».

В третьем разделе, представляющем наибольший интерес в рамках нашего обзора, на котором в дальнейшем мы остановимся подробнее, рассматривается аскетическое учение св. Кассиана. В него вошли доклады, посвящённые монашескому идеалу и дружбе, любви и эмоциям, внутреннему зрению, чистоте сердца, созерцанию и молитве.

В четвертом разделе затрагиваются различные вопросы соприкосновения св. Кассиана с восточной христианской традицией. В нём читателю предлагается сравнение аскетического учения св. Кассиана и Евагрия Понтийского (346–399), христология св. Кассиана в контексте предшествующей патристической традиции, обзор основных греческих текстов преподобного, а также связь марсельского пресвитера с Оригеном.

Заключительный, наиболее объёмный раздел настоящего сборника посвящен рецепции текстов и идей св. Кассиана в западной христианской традиции. Входящие в него доклады рассматривают отношение к проблеме лжи в трудах св. Кассиана и блж. Августина, роль св. Кассиана в пелагианских и несторианских спорах, взгляды Эннодия² (ок. 473–521) на аскезу в контексте формирования монашеской традиции в Южной Галлии, непосредственно связанной с личностью св. Кассиана, влияние его библейской экзегезы на аскетических писателей в VI–VII вв., рецепцию монашеских правил св. Кассиана в раннем ирландском монашестве, а также его влияние на великого немецкого мистика Майстера Экхарта.

Поскольку мистико-аскетические идеи св. Кассиана, в большей или меньшей степени, представлены почти во всех докладах настоящего сборника, мы вынуждены остановиться только на некоторых из них, по нашему мнению, в наибольшей степени затрагивающих проблематику, вынесенную нами в заглавие. В связи с этим, чтобы представить полную картину мистико-аскетического учения Кассиана, в дальнейшем изложении мы отойдём от жесткого следования логике составителей сборника.

Начнем с доклада профессора Папского Восточного института в Риме священника Эдварда Фарруджа о внутренних взаимосвязях в богословской мысли св. Кассиана. Профессор показывает, что учение св. Кассиана является скорее практическим руководством, определяющим духовность и нравственность, чем теоретическими построениями в области вероучения. Анализируя же соотношение делания и созерцания, духовного вдохновения и физического усилия, он приходит к выводу, что не монашеское правило, а совершенная любовь является центром учения св. Кассиана (с. 94).

Тема христианской любви, в том числе в ее мистическом аспекте, в творениях св. Кассиана рассмотрена в докладе Сальваторе Таранто, ординарного профессора Института Газлини в Генуе. Предлагая определить смысл христианской любви у св. Кассиана, он пытается проследить путь аскезы как средства, способного привести человека к совершенной любви, которая есть

² Магн Феликс Эннодий – христианский писатель и поэт, епископ Павии.

одновременно вершина аскетических усилий и дар Божественной благодати (с. 171–172). Для св. Кассиана *caritas* – это любовь Бога по отношению к человеку и любовь в Нем Самом. Это своего рода дорога, по которой при помощи отречений и силой добродетели можно прийти к высшему Сущему. Это значит, что достижение совершенства на пути аскетических усилий возможно лишь благодаря любви, которая есть дар Божий, уподобляющий Ему человека, а её полное осуществление возможно исключительно в созерцании, то есть в мистическом единении человека с Богом, что в своей высочайшей и бесконечной тайне было осуществлено в соединении двух природ во Христе (с. 182). **Поэтому основания богосозерцания для св. Кассиана – это совершенная любовь и чистота сердца.** Любви же противостоят «известные восемь главных пороков» (чревоугодие, блуд, сребролюбие, гнев, печаль, уныние, тщеславие, гордыня).

Перед тем как перейти к рассмотрению понятия чистоты сердца, что помимо любви, по мысли Э. Фарруджа и С. Таранто, ведёт подвижника к богосозерцанию и является средоточием наследия св. Кассиана, остановимся на теме дружбы, что играет немаловажную роль в аскетических построениях преподобного. Дело в том, что вопрос дружбы редко упоминается как средство православной аскезы, что ставит св. Кассиана в особое, уникальное положение в святоотеческом наследии. Данная тема раскрывается в докладе епископа Сакраментского Ириней (Стинберга), который, открывая своим выступлением третий раздел конференции, посвящённый аскетическому учению св. Кассиана, рассматривает дружбу в свете монашеского идеала. Дружба, как заявляет епископ Ириней, в православной духовной традиции почти никогда не упоминается именно как средство аскезы, как непосредственный путь к преодолению страстей. Рассматривая «Собеседования» св. Кассиана, автор показывает, что существует и отличный подход, для которого дружба – это, в первую очередь, аскетическая реальность, а истинная дружба есть воплощение всей подвижнической жизни (с. 161). В своём докладе епископ Ириней рассматривает дружбу как реальность богословскую, духовную и аскетическую, неотделимую от сущности монашеского подвига. Автор приходит к выводу, что для св. Кассиана не будет преувеличением сказать, что быть истинным другом – значит быть истинным христианином.

Чтобы достичь как истинной дружбы, так и совершенной любви, или, проще говоря, совершенства³, что Бог требует от подвижника, равно как и от любого христианина, перейдём к категориям собственно кассиановским, описывающим возрастание на пути аскезы. Самым характерным из них, безусловно, является понятие чистоты сердца, что мы упоминали ранее. Чистота сердца, согласно св. Кассиану, как в своём докладе отмечает доцент кафедры богословия МДА Павел Кириллович Доброцветов, есть дар благодати Божией, что посредством добродетелей и таинств открывается человеку (в некотором духовном смысле Христос состоит из добродетелей и делится ими со святыми

³ Стоит отметить, что термин совершенство носит весьма условный характер, поскольку в полной мере доступно лишь Богу. См.: доклад профессора Марина, который на примере послания апостола Павла (Рим. 7:19) показывает, что опыт, в нём описанный, для св. Кассиана применим к описанию опыта совершенных подвижников (высшее благо, к которому стремился ап. Павел – это постоянное созерцание Бога и непрестанная молитва, недоступное в этой жизни даже самым совершенным) (с. 328–352).

Своими причастниками, составляющими, в свою очередь, Его единое духовное мистическое Тело) и неподверженность страстной части души внутренним греховным движениям. Данное понятие, состоящее из освобождения от страстей и постоянства ума, является аналогом евагриевского термина «бесстрастие», однако не исчерпывает собой всего его объема⁴ (с. 236).

Данный вопрос развивает Иван Кёниг, профессор патристики Парижского центра им. прот. Думитру Станилоэ, акцентируя внимание на том, что понятие «чистоты сердца» св. Кассиана является более евангельским понятием, нежели «бесстрастие» понтийского монаха, что в более широком плане свидетельствует об уникальном статусе его аскетического наследия. Для Кёнига предложенное св. Кассианом понятие чистота сердца роднит Марсельского пресвитера с сирийскими мистическими кругами, а также «Гомилиями» прп. Макария. Именно в мистической составляющей наследия св. Кассиана Кёниг видит водораздел с мыслью Евагрия. В самом деле, у Евагрия цель молитвы состоит в возвращении к «первоначальному состоянию (*κατάστασις*)» или «нагоде ума», что фактически может пониматься как растворение в Боге⁵ (с. 284). Профессор Кёниг полагает, что речь идет скорее об абстрактной пустоте: «нагие умы» растворяются в Боге подобно тому, как реки растворяются в море. Из этого следует, что исчезновение тела фактически приводит к исчезновению личности, чьи характерные черты, по мнению автора, считаются излишними в системе Евагрия. Для св. Кассиана же высшая форма молитвы («огненная молитва», или «исступление из ума») характеризуется перемещением ума в сердце и соединением с любовью (*ἀγάπη*), что мистически как бы перемещает молящегося к созерцанию Преображения Христа, что представляется Кёнигу фундаментальной особенностью кассианова наследия.

Здесь мы подходим к понятию, являющемуся важным этапом мистико-аскетического пути у св. Кассиана. Мы имеем в виду созерцание Бога. В настоящем сборнике представлены два доклада на эту тему – Габриэлы Циглер и А.Р. Фокина. Для краткости остановимся на последнем докладе, в котором рассматривается учение св. Кассиана о созерцании и молитве в его связи с оригено-евагриевской традицией. Автор показывает, что в своем учении св. Кассиан объединил лучшие элементы восточно-христианской аскетической традиции в целостную систему, подобную системе Евагрия. Вслед за Оригеном и Евагрием, св. Кассиан в своем учении о духовном совершенстве опирается на различие между двумя видами аскетической жизни – деятельной и созерцательной. Указанная двойная схема духовной жизни предполагает восхождение от делания (или «деятельного познания» (*practice, id est actualis scientia*)) к познанию Бога – к Его «чистому созерцанию» (*theoretica puritas*) или («истинному познанию», *vera scientia*). Как уже было отмечено, Иван Кёниг выделял мистический аспект наследия св. Кассиана в качестве демаркационного между ним и Евагрием. Подобный взгляд мы находим и у А.Р. Фокина, который, описывая одну из сторон аскетического наследия св. Кассиана, свойственную, главным образом, традиции восточной, помимо «безобразной» и «безмолвной молитвы» говорит и о кассиановской «мистике экстаза» и «мистике любви» (с. 251–255).

⁴ Более подробно о связи св. Кассиана и Евагрия Понтийского, см: [Marsili, 1936; Уивер, 2006, с. 112].

⁵ Подробнее об этом см.: [Guillaumont, 2004].

«Мистика экстаза» – это понятие высшего молитвенно-созерцательного состояния, или «умоисступления». Как отмечает А.Р. Фокин, оно означает, что ум (или дух, *mens*) человека, которого посетила благодать, мысленно покидает тело и выходит за пределы обычного опыта для соприкосновения с духовной реальностью с помощью своих высших способностей, или духовных чувств (*intellectuales virtutes*), которые в этот момент не только не притупляются, но, наоборот, очищаются и утончаются. Кроме того, это означает, что ум забывает и выходит из самого себя, когда он, воспламеняясь (*ignita mens*), не может удержать внутри себя той молитвы, которую возбудила в нем Божественная благодать и которая прорывается за узкие границы человеческого разумения и выражения (с. 253).

В свою очередь, «мистика любви» у Кассиана – это высшее совершеннейшее состояние созерцания, которое он, подобно свт. Григорию Нисскому, характеризует как «теснейшее единение с Богом в любви (*caritas, dilectio, amor*), по подобию мистического союза, описанного в Песне песней» [там же]. Этот мистический союз, или созерцание Бога, претворённое в жизнь пламенеющей к Нему любовью, делает возможным переход совершенной любви Божией (*Dei perfecta dilectio*) в наше сердечное чувство (*cordis affectum*) (с. 254).

В заключение хотелось бы чуть более подробно остановиться на докладе, стоящим несколько особняком в сборнике. Это доклад профессора Института по изучению Юго-Восточной Европы в Бухаресте Петре Гурана, который единственный рассматривает св. Кассиана исключительно как мистика, несмотря на то, что сам преподобный весьма неохотно говорил о мистических переживаниях – в основном, на мой взгляд, потому что они не могут быть доказаны, а только приняты на веру, что, справедливости ради, отмечает и сам автор. Для решения поставленной цели профессор Гуран анализирует отношение преподобного к природе материи и времени. Автор, представляя св. Кассиана, как наследника и толкователя аскетического и мистического богословия египетских отцов-пустынников, предлагает взглянуть на него как на предтечу богословия свт. Григория Паламы⁶, по средствам анализа его суждений над мистическим опытом преображения времени и материи⁷.

Профессор Гуран полагает, что имеет достаточно оснований, утверждать, будто споры вокруг Преображения, а также мистический опыт исихастов, в частности, заставляющий материю и время подчиняться одинаковым законам и функционировать в единстве, восходит к эпохе, куда более ранней, чем времена архиепископа Солунского. Рассматривая динамичную взаимосвязь между свободой воли и благодатью, потусторонность, влияние «состояния ума» на преображение материи, а также соотношение Царства Божия и мистического видения, «сжимающего» время, Гуран приходит к выводу, что «дематериализация» тела является «самой смелой из мистических идей» св. Кассиана, когда сама материя преображается и становится духовной (с. 122). Речь идёт о том, что незримое Царство Божие обретает зримость благодаря мистическому видению. При этом сопутствующее ему состояние ума, достигая потусторонности, опровергает «законы природы», таким образом, что материя, несмотря на то, что присутствует и участвует в преображении, не выказывает больше ни одной

⁶ Подробнее об этом аспекте паламитского богословия см.: [Guran, 2006, p. 291–320].

⁷ Те аналогии П. Гурана, что автор проводит между теорией относительности, квантовой теорией и сверхъестественными аспектами материи и времени, согласно евангельским свидетельствам, оставим без оценки.

из своих характеристик (с. 125). Другими словами, совершенное «состояние ума» подвижника влияет на преобразование материи таким образом, что она больше не затрагивается изменением и движением. Но если в материи больше нет движения, заключает профессор Гуран, в ней нет последовательности мгновений, исчисление времени невозможно, больше нет предшествования и следования. Кроме того, ключевым феноменом, присущим мистическому восприятию времени наряду с потусторонностью, по мысли св. Кассиана является одновременность. Это сжатое восприятие времени, часто описываемое в мистических восприятиях, даёт решение для пророчеств с двойным приложением, т.е. это подобно тому, как если бы предсказанное событие свершалось одновременно в двух разных эпохах⁸ (с. 125).

Возможно не самое простое описание, становится более понятным на примере Преображения Господа на горе Фавор – кульминации откровения о материи и времени, где встречаются прошлое и будущее, мёртвые и живые, люди разных исторических периодов. Автор, прибегая к потусторонности и симультанности как сверхъестественным аспектам материи и времени, показывает предпринятую св. Кассианом попытку выразить реальность, чуждую нашему материальному способу существования. Данный тропологический путь толкования Царствия Божиего лежит в основе наследия последующих выдающихся фигур восточно-христианского мистического богословия, таких как Псевдо-Дионисий, прп. Максим Исповедник, прп. Симеон Новый Богослов, а также, уже упоминавшийся свт. Григорий Палама.

На мой взгляд, настоящий сборник свидетельствует о том, что в то время как теологические и теоретические построения в области вероучения св. Кассиана не всегда отличаются большой оригинальностью и самостоятельностью (что, разумеется, не отменяет их значимости и необходимости детальной проработки), мистическое, или аскетическое его учение свидетельствует не только о его дистанцировании от Оригена и Евагрия, мистика которых представляется исключительно интеллектуальной по своему характеру, не выходящей за пределы умственного познания, но и о занимаемом им уникальном месте в христианской традиции. Во-вторых, исследование возникновения и распространения греческих переводов трудов св. Кассиана, в свою очередь определивших их арабскую и сирийскую версии, обнаруживают умелое исключение всего материала, что хоть как бы указывал на аллегорическое толкование Священного Писания, мистическое созерцание или возможность опытно пережить состояние совершенства (так, судя по всему, греческие переводчики боролись с Оригеном и другими еретическими влияниями, по их мнению, содержащимися в тексте св. Кассиана)⁹. Всё это свидетельствует, что не меньшего, а, сдаётся нам, большего внимания, заслуживает именно мистическая теология этого виднейшего представителя западной патристики.

⁸ Применительно к мистическому переживанию времени св. Кассиан приводит пример пророка Илии, что пришел в лице Иоанна и опять придет перед пришествием Христовым. В отношении мистической составляющей материи, преобразённой действием божественной благодати (что в монашеской жизни достигается по средствам «пламенной» или «чистой молитвы»), её св. Кассиан рассматривает на примере жизни и телесного вознесения ветхозаветного патриарха Еноха. Св. Кассиан пытается зафиксировать опыт, опровергающий «законы природы» и выходящий за границы познания.

⁹ См.: доклады К. Стюарта (с. 58–72) и игумена Дионисия (Шлёнова) (с. 307–324).

Несмотря на то, что тезисы ряда докладов можно охарактеризовать как дискуссионные, иные из которых были отмечены выше, в целом с уверенностью можно констатировать, что представленные в настоящем сборнике доклады будут полезны исследователям, интересующимся вопросами христианской аскетики и мистики. Широкий спектр тем наряду с не менее широким конфессиональным и национальным представительством участников конференции лишний раз показали многогранность наследия св. Кассиана, вобравшего в себя элементы как западного, так и восточного аскетического богословия, а также особую роль марсельского пресвитера в посредничестве между христианским Востоком и Западом¹⁰. Будем надеяться, что книжная серия «Патристические исследования и переводы» и впредь будет продолжена.

Список литературы

Иоанн Кассиан, 2017 – Преподобный Иоанн Кассиан и монашеская традиция христианского Востока и Запада. М.: Общецерков. аспирантура и докторантура им. свв. Кирилла и Мефодия, 2017. 436 с.

Уивер, 2006 – *Уивер Р.Х.* Божественная благодать и человеческое действие: Исследование полупелагианских споров / Пер. А.В. Кырлежев, ред. А.Р. Фокин. М.: Центр библейск.-патрол. исслед., 2006. 332 с.

Фокин, 2010 – *Фокин А.Р.* Иоанн Кассиан Римлянин // Православ. энцикл. Т. 24. М., 2010. С. 319–340.

Chadwick, 1958 – *Chadwick O.* John Cassian. Cambridge, 1968. 180 p.

Guillaumont, 2004 – *Guillaumont A.* Un philosophe au désert: Évagre le Pontique. Paris: J. Vrin, 2004. 430 p.

Guran, 2006 – *Guran P.* L'eschatologie de Palamas entre théologie et politique // *Études byzantines et post-byzantines.* 2006. No. 5. P. 291–320.

Bădiliță, Jakab (eds.), 2003 – Jean Cassien entre l'Orient et l'Occident: Actes du colloque international organisé par le New Europe College en collaboration avec la Ludwig Boltzmann Gesellschaft (Bucarest, 27–28 septembre 2001) / Ed. C. Bădiliță, A. Jakab. Paris: Beauchesne, 2003. 236 p.

Marsili, 1936 – *Marsili S.* Giovanni Cassiano ed Evagrio Pontico. Dottrina sulla caritae contemplazione. Roma, 1936. 171 p.

Taranto, 2004 – *Taranto S.* Agostino e la fi losofi a dell'amore. Brescia: Morcelliana Edizioni, 2004. 344 p.

Mystical and Ascetic Heritage of St. John Cassian: a New Stage in Modern Research

Nikolay A. Redin

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. Goncharnaya Str. 12/1, Moscow 109240, Russian Federation; e-mail: terani@list.ru

In the paper, I consider the mystical theology of St. John Cassian on the basis of the proceedings of the Third International Patristic Conference of Ss. Cyril and Methodius Theological Institute for Postgraduate Studies, dedicated to St. John Cassian and the monastic tradition of

¹⁰ Подробнее о роли Иоанна Кассиана как посредника между христианским Востоком и Западом см.: [Bădiliță, Jakab (eds.), 2003].

the Christian East and West. I am making an attempt to analyze the ascetic tradition, which comes from St. Cassian, her relations with the mysticism of Evagrius Pontus and Origen, as well as an analysis of the concepts inherent exclusively to the Marseilles presbyter. To solve this problem, I consider such concepts of the Cassian heritage as perfect love, friendship, dispassion, purity of heart, mysticism of ecstasy, mysticism of love, fiery prayer, dematerialization, etc.

Keywords: St. John Cassian, Evagrius Pontus, mysticism, theology, asceticism, contemplation, prayer, ecstasy, dematerialization

References

Alfeev, I (ed.) *Prepodobnyi Ioann Kassian i monasheskaia traditsiia khristianskogo Vostoka i Zapada* [Saint John Cassian and the monastic tradition of the Christian West and East]. Ed. by mitr. I. Alfeev M.: Obshchetserkovnaia aspirantura i doktorantura im. svv. Kirilla i Mefodiia, 2017. 436 pp. (In Russian)

Bădiliță, C., Jakab, A. (ed.) *Jean Cassien entre l'Orient et l'Occident: Actes du colloque international organisé par le New Europe College en collaboration avec la Ludwig Boltzmann Gesellschaft*. Bucarest, 27–28 septembre 2001. Ed. by C. Bădiliță, A. Jakab. Paris: Beauchesne, 2003. 236 pp.

Chadwick, O. *John Cassian*. Cambridge: Cambridge University Press, 1968. 180 pp.

Fokin, A. R. Ioann Kassian Rimlianin [John Cassian the Roman], in: *Pravoslavnaia entsiklopediia*. T. 24. Moscow, 2010, pp. 319–340. (In Russian)

Guillaumont A. *Un philosophe au désert: Évagre le Pontique*. Paris: J. Vrin, 2004. 430 pp.

Guran, P. L'eschatologie de Palamas entre théologie et politique, *Études byzantines et post-byzantines*, 2006, No. 5, pp. 291–320.

Marsili, S. *Giovanni Cassiano ed Evagrio Pontico. Dottrina sulla caritae contemplazione*. Roma: Herder, 1936. 171 pp.

Taranto, S. *Agostino e la fi losofi a dell'amore*. Brescia: Morcelliana Edizioni, 2004. 344 pp.

Weaver, R. H. *Bozhestvennaia blagodat i chelovecheskoe deistvie: Issledovanie polupelagianskikh sporov* [Divine Grace and Human Agency. A Study of the Semi-Pelagian Controversy], Transl. A. V. Kyrlezhev, ed. by A.R. Fokin. Moscow: Tsentr bibleisk.-patrol. issled., 2006. 332 pp. (In Russian)